

АДЫГЕЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

КРИНКО ЕВГЕНИЙ ФЕДОРОВИЧ

**ОККУПАЦИОННЫЙ РЕЖИМ НА КУБАНИ
(1942 - 1943 гг.)**

Специальность 07.00.02 - Отечественная история

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук**

Москва
1997

Работа выполнена на кафедре политологии
Адыгейского государственного университета

Научный руководитель:
доктор исторических наук, профессор **А.С.Схакумидов**

Официальные оппоненты:
академик Академии военных наук,
доктор исторических наук, профессор **М.И.Семиряга**

кандидат исторических наук **В.А.Пережогин**

Ведущая организация: Кубанский государственный университет

Защита состоится 20 мая 1997 г. в 11.00 часов на заседании диссертационного совета Д. 002. 33. 01 Института российской истории Российской Академии Наук по адресу: 117063, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, д.19.

Автореферат разослан “ ___ ” _____ 1997 г.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института российской истории РАН (г. Москва, ул. Дм. Ульянова, д.19)

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук

О. М. Вербицкая

Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования. В современной науке вопросы взаимодействия власти и общества относятся к числу наиболее дискуссионных. Универсальные качества власти, способной проникать во все сферы общественной жизни, позволяют рассматривать институционализацию властных отношений и эволюцию их восприятия населением как процесс поиска оптимальных форм человеческого существования. В этом отношении достаточно показательны периоды социальных кризисов и потрясений. Изменение ценностных ориентиров, привнесение элементов чрезвычайности в прежний размеренный образ жизни населения трансформируют привычный стиль взаимоотношений власти и социума. Власть обнаруживает свои предельные адаптивные качества, а общество получает новые возможности для самовыражения. К подобным экстремальным ситуациям следует отнести и период Великой Отечественной войны.

Долгое время в отечественной историографии в разработке военной темы преобладала героико-патриотическая проблематика, ощущалось воздействие идеологической и политической конъюнктуры. Использование новых источников и исследовательских методов, преодоление идеологических штампов и стереотипов прежних лет способствует переосмыслению влияния войны на общество и человека.

Особое значение имеет обращение к событиям, происходившим на оккупированной территории. Оккупация как режим чрезвычайной власти отразила наиболее существенные проблемы войны, ее цели и характер. Отношения оккупационных войск и жителей захваченных областей во многом предопределили итог войны. Результаты исследования оккупационного режима могут внести вклад в разработку таких перспективных направлений, наметившихся в отечественной науке, как проблемы альтернативности в развитии России, “кризисной” ментальности, поведения человека в экстремальных условиях, образа “врага” в массовом сознании советского общества.

Существенная роль в переосмыслении событий прошлого принадлежит локальным исследованиям. Анализ конкретных действий оккупационных властей и ответной реакции населения в различных регионах позволяет не только идентифицировать определенные черты оккупационного режима, но и реконструировать мозаичную картину войны в целом.

Степень изученности проблемы. Существенное значение для ос-

мысления развития историографии оккупационного режима оказали работы общетеоретического, историографического и источниковедческого характера. Они позволили рассмотреть различные исследовательские методики постановки и разрешения данной проблемы, выявить уровень разработанности темы, проследить развитие источниковой базы.

Первые работы, посвященные событиям на оккупированной территории, появились уже во время войны.¹ Немногие из них можно отнести к научным исследованиям, значительная часть публикаций популяризировала подвиги советских людей в захваченных областях. Работы советских историков первого послевоенного десятилетия отличались узостью тематики и источниковой базы, имели преимущественно описательный характер.² В последующие годы проблема оккупационного режима заняла важное место в историографии.

Вопрос об оккупации советских территорий рассматривался в фундаментальных трудах по истории войны³ и других обобщающих работах.⁴ Они позволили представить общий фон происшедших событий, место оккупационного режима в истории войны. Характер и результаты оккупации рассматриваемого региона показаны в работах по истории Северного Кавказа, Кубани и Адыгеи.⁵

Сложившаяся историография проблемы позволяет выделить круг базовых вопросов, определяющих изучение оккупационного режима на захваченной территории СССР. Поэтому диссертант счел целесообразным построить историографический анализ по проблемному принципу.

Разработка проблемы оккупационного режима в отечественной историографии связана с материалами III Международной конференции по истории движения Сопротивления в странах Европы в годы второй ми-

¹ Варга Е. Фашистский "новый порядок" в Европе. М., 1942; Юдин И. Следы фашистского зверя на Кубани. М., 1943 и др.

² Глухов В.М. Адыгея в дни Великой Отечественной войны. Майкоп, 1949; Новак Н.И. Краснодарская красная партийная организация в годы Великой Отечественной войны (1941-1943 гг.) Автореф. дис... канд. ист. наук. Киев, 1951 и др.

³ История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941-1945. М., 1960 - 1965. Тт. 1-6; История второй мировой войны 1939-1945 гг. М., 1973-1982. Тт. 1-12.

⁴ Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1963; История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1973. Т.10; Земсков В.Н. Ведущая сила всенародной борьбы. М., 1986; Верт Н. История советского государства. 1900-1991 гг. М., 1992 и др.

⁵ Очерки истории Краснодарской организации КПСС. 2-е изд. Краснодар, 1976; Очерки истории Адыгеи. Майкоп, 1981. Т.2; Мальшева Е.М. В борьбе за победу. Майкоп, 1992 и др.

ровой войны.¹ Оккупационный режим на советских территориях связывался прежде всего с произволом, насилием, грабежами, определялся как "военно-полицейская, административно-хозяйственная, политическая система органов и мероприятий, с помощью которых гитлеровцы хотели ликвидировать в нашей стране социалистический базис и надстройку".² При характеристике событий, происшедших на захваченных территориях, советские историки чаще употребляли термин "оккупационная политика", чем "оккупационный режим". Отдельные исследователи утверждали, что оккупационная политика "была именно такой, какой она только и могла быть - режимом массового кровавого террора".³ Таким образом, данные понятия практически не разграничивались. В результате разработка проблемы оккупационного режима по существу свелась к изучению отдельных направлений политики оккупантов. Абстрактная категория наполнялась реальным отрицательным содержанием, определявшим характер ее исследования.

Проблема оккупационного режима в СССР являлась предметом специального изучения ряда зарубежных исследователей. Определяющую роль в ее разработке сыграли выводы А. Даллина о том, что немецкое командование не сумело проводить "гибкую политику" на советских территориях,⁴ утвердившаяся в 1960 гг. западногерманской историографии теория "упущенного русского шанса". Ее сторонники осуждали "излишнюю жестокость" оккупантов, вызвавшую сопротивление населения. Иную концепцию оккупационного режима представил английский историк Дж. Рейтлинджер. Он считал, что и при "либеральной политике оккупантов" возникла бы партизанская война, оккупационный режим в любом случае был обречен.

Анализ мероприятий оккупантов, проводившихся на Кавказе, в том числе и на Кубани, позволил ряду историков прийти к выводу о "кавказском эксперименте" третьего рейха.⁶ По мнению большинства

¹ Немецко-фашистский оккупационный режим (1941-1944 гг.). М., 1965.

² Загорулько М.М., Юденков А.Ф. Крах плана "Ольденбург". 2-е изд. М., 1974. С.119.

³ Гутин М.Л. Фашистский "новый порядок": политика, оккупационный режим // В тылу врага. М., 1974. С.366.

⁴ Dallin A. German Rule in Russia. 1941-1945. A Study of Occupation Politics. London, 1957.

⁵ Reitlinger G. The House Built on Sand. The Conflicts of German Policy in Russia. 1939-1945. London, 1960. P.300.

⁶ Бабаев А.-М. Кавказ в захватнических планах фашистской Германии. Махачкала, 1964; Ибрагимбеили Х.М. Крах "Эдельвейса" и Ближний Восток. М., 1977 и др.

исследователей, на захваченной территории Краснодарского края оккупанты проводили такую же жестокую политику, как и в других оккупированных районах, однако в первое время использовали тактику заигрывания с местным населением.¹ С другой стороны, З. В. Бочкарева пришла к выводу о том, что на Северном Кавказе была предпринята не просто “коррекция прежнего нацизма”, а попытка создания “неоколониального варианта национал-социализма”.²

В историографическом обзоре диссертационного исследования рассматривается изучение таких аспектов проблемы как планы Германии в отношении советских территорий,³ организация управления⁴ и экономическая политика оккупантов,⁵ пропаганда⁶ и террор⁷ в захваченных областях. Исследования в данном направлении практически не использовали архивные материалы по Кубани. Тем не менее, общие выводы их авторов представляют несомненный интерес для понимания процессов, происходивших в данном регионе.

Отсутствие интереса к вопросам социальной истории в условиях господства в отечественной науке экономически детерминированных подходов к изучению общественных явлений сказалось и на развитии историографии оккупационного режима. Вопросы повседневной жизни населения, социальной и культурной политики в захваченных областях, развития взаимных представлений оккупантов и местных жителей не являлись предметом специального изучения. Отечественные исследователи в работах общего плана подчеркивали тяжесть условий жизни населения в захваченных районах, исключительно негативный характер

¹ Иванов Г.П. В годы суровых испытаний. Краснодар, 1967. С. 142-143.

² Бочкарева З.В. Оккупационная политика фашистской Германии на Северном Кавказе. Дисс... канд. ист. наук. Краснодар, 1992. С. 221.

³ Розанов Г.Л. План “Барбаросса”: замысел и финал. М., 1970; Безыменский Л.А. Генеральный план “Ост”: замысел, цели, результаты // Вопросы истории. 1978. N 5 и др.

⁴ Мюллер Н. Вермахт и оккупация (1941 - 1944). М., 1974 и др.

⁵ Сеницина Н.И. Провал аграрной политики на оккупированной территории Советского Союза (1941 - 1944). Дисс... канд. ист. наук. М., 1972; Гриднев В.М. Борьба крестьянства оккупированных областей РСФСР против немецко-фашистской оккупационной политики 1941 - 1944. М., 1976; Анисеев А.А. Аграрная политика фашистской Германии в годы второй мировой войны. Ростов-на-Дону, 1990 и др.

⁶ Ивлев И.А., Юденков А.Ф. Оружием контрпропаганды. Советская пропаганда среди населения оккупированной территории СССР. 1941-1944. М., 1988 и др.

⁷ Датнер Ш. Преступления немецко-фашистского вермахта в отношении военнопленных во второй мировой войне. М., 1963; Семиряга М.И. Тюремная империя нацизма и ее крах. М., 1991 и др.

взаимного восприятия жителей и оккупантов. В то же время в зарубежной историографии широкое распространение получил вывод о том, что население, недовольное советским режимом, в первое время приветствовало приход немецких войск и лишь жестокость последних породила ненависть жителей.¹ Немало ценных выводов и наблюдений содержат работы авторов, рассмотревших влияние военных условий на человека.² Однако данные исследования практически не затрагивают события на оккупированной территории СССР.

При изучении проблемы коллаборационизма в историографии долгое время преобладали морально-этические категории.³ Большинство современных публикаций отличается фрагментарностью. Тем не менее, отказ от идеологических клише, привлечение новых документов позволили их авторам сделать выводы о масштабности данного явления, поставить вопрос о его причинах.⁴ В этой связи весьма спорными представляются утверждения некоторых зарубежных историков о том, что каждый попавший в плен красноармеец становился “антибольшевиком” и стремился к “изменению политической ситуации” в СССР.⁵ Напротив, часть исследователей подчеркнула вынужденный характер сотрудничества многих советских граждан с оккупантами, обусловленный их тяжелым материальным положением.⁶

Отечественные историки проанализировали боевые действия партизан и подпольщиков на оккупированной территории, показали их тактику, цели и задачи, организацию и снабжение.⁷ Оживленную дискуссию в советской историографии вызвал вопрос о формах народного сопротивления. Исследователи подчеркивали руководящую роль коммунистов в организации партизанских отрядов и подпольных групп,

¹ Schapiro L. The Communist Party of the Soviet Union. New York, 1960. P. 490.

² Де Йонг Л. Немецкая пятая колонна во второй мировой войне. М., 1958. Сенявская Е.С. 1941-1945, Фронтовое поколение (историко-психологическое исследование). М., 1995 и др.

³ Они среди нас. М., 1969; Неотвратимое возмездие. М., 1974 и др.

⁴ Кудряшов С.В. Предатели, “освободители” или жертвы режима? Советский коллаборационизм (1941-1942)//Свободная мысль. 1993. N 14; Решин Л. Коллаборационисты и жертвы режима //Знамя. 1994. N 8 и др.

⁵ Хоффманн Й. История Власовской армии. Париж, 1990. С. 272.

⁶ Боффа Дж. История Советского Союза. М., 1994. Т. 2. С. 105-109 и др.

⁷ Советские партизаны. М., 1961; Макаров Н.Н. Непокоренная земля Российская. М., 1976; Партия во главе народной борьбы в тылу врага. 1941-1944 гг. М., 1976; Андрианов В.Н., Князьков А.С. Всенародная борьба с фашистскими захватчиками на временно оккупированной территории Советского Союза. М., 1984 и др.

опиравшихся на стихийный протест народных масс против оккупантов. В зарубежной историографии действия партизан и населения часто противопоставлялись, отмечалась жестокость первых.¹

Особое место в историографии рассматриваемой проблемы принадлежит работам представителей российской эмиграции, многие из которых были написаны в условиях “холодной войны”. В частности, Д. Каров показал факты морального разложения в партизанских отрядах, подчеркнул отсутствие их связи с народом.² Но его работа изобилует фактическими ошибками и неточностями.

Существенный вклад в разработку проблемы развития народного сопротивления на Кубани внесли труды Г. П. Иванова, на основе анализа обширного фактологического материала предложившего периодизацию развития партизанского движения в регионе, и другие исследования.³

При подведении итогов историографического обзора в диссертационном исследовании отмечается, что оккупационный режим получил широкое освещение в отечественной и зарубежной литературе. Сложилась определенная традиция исследования проблемы, выявлен круг ее основных вопросов, накоплен значительный эмпирический материал, сделан ряд важных выводов и обобщений, использованных при написании настоящей работы. В то же время отдельные аспекты оккупационного режима оказались слабо изученными. Общие выводы, сделанные при разработке данной проблемы, в недостаточной степени подтверждались региональными материалами. Степень изученности проблемы оккупационного режима на Кубани не соответствует ее научной значимости.

Объектом исследования являются политические, экономические, социальные, культурные процессы на захваченной территории Кубани в период Великой Отечественной войны, квинтэссенцией проявления которых оказался оккупационный режим. Он рассматривается как совокупность органов и средств управления, различных мероприятий, проводившихся на захваченной территории края, комплекса взаимодействия оккупационных властей и населения региона.

Географические рамки работы определяются границами оккупи-

¹ Диксон Ч.О., Гейльбрунн О. Коммунистические партизанские действия. М., 1957; Soviet Partisans in World War II. Madison, 1964 и др.

² Каров Д. Партизанское движение в СССР в 1941 - 1945 гг. Мюнхен, 1954.

³ Латкин В.Ф. Народные мстители // В боях за Кубань. Краснодар, 1958; Самойло Н.А. Коммунисты Краснодарского края во главе партизанской борьбы на Кубани (1942-1943 гг.) // Вопросы истории КПСС. 1962. № 4; Иванов Г.П. В годы суровых испытаний. Краснодар, 1967 и др.

рованной территории Краснодарского края и входившей в него Адыгейской автономной области как региона с чрезвычайно сложной этносоциальной структурой, богатыми продовольственными и сырьевыми ресурсами - факторами, в значительной степени обусловившими специфику оккупационного режима.¹

Хронологические рамки работы ограничены сроком немецкой оккупации региона - периодом 1942-1943 гг. Формирование оккупационного режима на Кубани началось с момента захвата ее территории войсками вермахта в ходе наступления на Кавказ в конце июля - сентябре 1942 г. Освобождение территории края в результате наступательной операции советских войск в январе-октябре 1943 г. привело к ликвидации оккупационного режима на Кубани. Срок оккупации отдельных районов края составлял от нескольких месяцев до года.

Целью данной работы является исследование становления и развития оккупационного режима как определенного типа политических отношений на материалах конкретного региона. Для достижения данной цели ставились **задачи**:

- рассмотреть развитие планов и представлений германского руководства об использовании территории Кубани;

- проанализировать институционализацию властных отношений, оккупационную политику, средства и методы управления данным регионом;

- исследовать различные аспекты взаимоотношений оккупантов и населения края;

- выявить своеобразие оккупационного режима на Кубани через изучение осуществлявшихся оккупантами мероприятий и их восприятия населением;

- проследить эволюцию оккупационного режима на Кубани, показать причины его кризиса.

Источниковую базу исследования составили как опубликованные, так и неопубликованные материалы. В диссертационной работе предлагается систематизация использованных источников с учетом их информативной значимости для исследования.

При написании работы использовались материалы Нюрнбергского

¹ Немецкие войска захватили большую часть территории Краснодарского края, за исключением четырех районов на побережье Черного моря - Адлерского, Геленджикского, Лазаревского, Туапсинского, городов Геленджика, Сочи, Туапсе, а также нескольких горных населенных пунктов.

процесса и другие документы, опубликованные в тематических сборниках.¹ Среди них - законы и законодательные акты, определявшие положение захваченных областей, приказы и инструкции германского руководства, директивы командования вермахта и другие немецкие документы, позволившие представить общие принципы оккупационной политики, выделить специфические черты оккупации Кубани.

Существенную группу источников составили документы, извлеченные из фондов центральных и местных архивов. Это приказы советского командования, директивы крайкома партии, отчеты, донесения, оперативные и разведывательные сводки партизанских соединений, протоколы заседаний городских комитетов обороны, сессий краевого и областного советов депутатов трудящихся, стенограммы пленумов крайкома и обкома ВКП(б) и другая советская документация официального и делопроизводственного характера, а также судебно-следственные материалы из фондов Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ), Государственного архива Краснодарского края (ГА КК), Центра документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИ КК), Государственного архива Республики Адыгея (ГА РА), Хранилища документов новейшей истории Государственного архива Республики Адыгея (ХДНИ ГА РА). Их изучение позволило рассмотреть организацию и развитие народного сопротивления в крае, действия партизан и подпольщиков, их взаимоотношения с населением и создание коллаборационистских вооруженных формирований.

В основу изучения структуры органов управления и их деятельности на оккупированной территории Кубани был положен анализ приказов, объявлений, распоряжений комендантов и бургомистров, деловой переписки, ведомостей на зарплату, заявлений граждан и других документов городских и районных управ, различных предприятий и учреждений, действовавших в крае в период оккупации, извлеченных из различных фондов РЦХИДНИ и ГА КК.

Изучение статистических материалов из фондов ГА КК позволило сделать выводы о подлинных масштабах насильственного вывоза жите-

¹ "Совершенно секретно! Только для командования". Документы и материалы. М., 1967. Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки, документы и материалы. М., 1973. Тт. 1-2; Преступные цели - преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941 - 1944 гг.). 3-е изд. М., 1985; Нюрнбергский судебный процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов в семи томах. М., 1987. Тт. 1-5 и др.

лей Кубани в Германию и репатриации.

Отдельную группу источников составили материалы периодической печати военных лет. Среди них - местные партийные и советские печатные органы, многие из которых в период оккупации стали газетами партизанских отрядов и соединений,¹ а также газеты, издававшиеся немецким командованием и оккупационными властями для жителей захваченных областей, коллаборационистов и советских военнопленных.² В них содержатся ценные фактические сведения, характеризующие различные стороны жизни на оккупированной территории.

Особое значение при разработке данной проблемы принадлежит источникам личного происхождения - воспоминаниям, дневникам, письмам советских и зарубежных авторов.³

В работе использовались и материалы собственных полевых исследований автора, листовки и другие источники, характеризующие различные аспекты рассматриваемой проблемы.

Теоретико-методологические позиции. Современная методологическая ситуация позволяет, не отвергая сложившихся подходов, использовать новые возможности теоретического осмысления проблемы. Обширный и разноплановый корпус источников, цели и характер работы предопределили в качестве главного принципа выбора оптимальных исследовательских методов и приемов теоретико-методологический плюрализм.

Методологическую основу исследования составляют принципы историзма, системности и альтернативности. Последний нашел выражение в признании возможности развития различных вариантов событий на захваченной территории, в отказе от заранее сформулированных выводов и жестко детерминированных схем оккупационного режима. Оккупационный режим рассматривался с точки зрения различных под-

¹ "Большевик", "Адыгейская правда", "Под знаменем Ленина-Сталина" и др. (использованы отдельные номера за 1942 - 1944 гг.)

² "Вестник Кубани" (№№ 19, 21 от 1, 10 января 1943 г.); "Кубань" (№ 1 от 26 сентября 1942 г.); "Майкопская жизнь" (№№ 1, 17, 18, 35, 37 от 30 августа, 15, 18 октября 1942 г., 1, 14 января 1943 г.); "На казачьем посту" (№№ 1-15 за 1943 г., №№ 17-40 за 1944 г., №№ 1-3 за 1945 г.) и др.

³ Тюленев И.В. Через три войны. 2-е изд. М., 1972. Партизанские были. Воспоминания кубанцев-партизан Великой Отечественной войны. Краснодар, 1975; Порохом пропахшие страницы... Воспоминания фронтовиков-кубанцев о Великой Отечественной войне. Краснодар, 1986; Палий П.Н. В немецком плену. Париж, 1987; Немцы о русских. М., 1995 и др.

ходов, существующих в политической науке: институционального или политико-правового, отождествляющего его с определенной формой правления и социологического, позволяющего осмыслить реальные связи между обществом и властью. Автором использовались метод критической интерпретации источников, а также методы конкретного и сравнительного анализа, проблемно-хронологического изложения, общие при изучении социальных и политических явлений.

Научная новизна положений, выдвинутых в работе, заключается в комплексном рассмотрении проблемы на материалах конкретного региона, междисциплинарном характере исследования событий на захваченной территории на стыке истории, политологии, исторической психологии. Диссертационное исследование существенно расширяет традиционные представления об оккупационном режиме, сложившиеся в отечественной историографии, позволяя выйти на новый уровень осмысления проблемы.

Практическая значимость. Опыт подобного рода локальных исследований, основанных на изучении источников различного происхождения, представляет интерес не только для осмысления проблем истории Великой Отечественной войны в целом, но и в определении перспектив развития региональной истории. Материалы диссертации могут быть включены в соответствующие разделы работ по истории Кубани и Адыгеи в годы войны, а также использованы при составлении лекционных курсов, учебных пособий и методических рекомендаций.

Апробация работы. Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры политологии Адыгейского государственного университета. Отдельные положения диссертации нашли отражение в выступлениях на международной, всероссийских, региональных научных конференциях и публикациях автора. В процессе написания работы диссертант использовал ряд материалов для подготовки лекций, уроков, а также в методической работе.

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованных источников и литературы, приложений.

Содержание работы

Во **введении** обосновывается актуальность темы, характеризуется степень изученности проблемы, источниковая база, теоретические и ме-

тодологические позиции, определяются объект, цели и задачи исследования, географические и хронологические рамки, а также научная новизна работы.

Первая глава “Новый порядок” на Кубани: представления германского руководства и реальность” состоит из четырех параграфов. В формировании оккупационного режима на Кубани отразились основные принципы оккупационной политики, программы использования советских территорий, представления германского руководства об экономических возможностях и стратегическом положении данного региона. Все это обосновало необходимость обращения к теоретическим основам оккупационного режима в работе, носящей региональный характер.

В **первом параграфе** “Оккупация Кубани в планах Германии” автор рассмотрел эволюцию планов и программ использования советских территорий германским руководством. Особенности отношения к данному региону складывались под воздействием ряда факторов, важнейшими из которых являлись экономические. Кубань интересовала германское руководство прежде всего как центр производства продовольствия, а также добычи нефти. Кроме того, с ее захватом войска вермахта приобретали плацдарм для продвижения в Закавказье, на Ближний и Средний Восток. Отдельные руководители Германии рассматривали регион как один из центров предполагаемого сепаратизма, а казаков и горцев - как “ненадежное” для советской власти население. Разработка планов оккупации сопровождалась острой борьбой в рядах правящей элиты Германии, свидетельствующей о потенциальной возможности реализации различных вариантов оккупационного режима. Победу одержал наиболее жесткий подход, поддерживавшийся Гитлером.

Развитие событий на захваченной советской территории породило проекты изменений оккупационной политики, одним из которых стала программа “кавказского эксперимента”. В ее контексте рассматривалась и территория Кубани.

Второй параграф “Организация управления на захваченной территории края” посвящен институционализации властных отношений на Кубани. В крае, как и на всей захваченной территории РСФСР, не было создано единой немецкой гражданской администрации, в отличие от Белоруссии, Украины или Прибалтики. В августе-сентябре 1942 г. на оккупированной территории Кубани сформировались немецкие военная, хозяйственная и полицейская “ветви” власти. В центре всей системы

управления находился немецкий военный комендант.

Местная гражданская администрация в лице бургомистров и управ опиралась на полицейских, старост и других представителей низших звеньев аппарата управления. Функции местных властей сводились к выполнению немецких распоряжений, обеспечению порядка, сохранению имущества, бесперебойному снабжению немецкой армии, охране населенных пунктов, дорог, мостов и некоторым другим обязанностям.

В первый период оккупации края местная администрация, в основном, по инициативе немецкого командования, заинтересованного в реализации различных экономических и политических задач, проводила мероприятия, направленные на восстановление хозяйственной жизни городов и районов, способствуя удовлетворению элементарных социальных потребностей населения.

Сформировавшиеся структуры власти просуществовали без значительных изменений вплоть до января 1943 г., когда начавшееся отступление немецких войск сделало бессмысленным дальнейшие административные преобразования. "Кавказский эксперимент" не нашел своего подтверждения на Кубани в создании властных структур по национальному признаку - казачьих или горских, несмотря на существовавшие планы.

В **третьем параграфе** автор утверждает, что экономическая политика оккупантов на Кубани определялась многими причинами, важнейшими из которых являлись общие принципы развития хозяйственной системы Германии и захваченных ею стран, конкретная военно-стратегическая ситуация, природные ресурсы и возможности региона, задачи пропаганды. Приоритет над всеми другими имело обеспечение сырьем и продовольствием германской армии и промышленности.

Для решения хозяйственных задач оккупационные власти на Кубани применяли различные методы. Анализ использованных документов позволил утверждать, что, наряду с репрессиями, существенное значение придавалось мероприятиям, способствовавшим нормализации хозяйственной жизни региона: развитию частного предпринимательства, восстановлению промышленности и транспортной сети, контролю за денежным обращением и ценообразованием. В решении данных задач были непосредственно заинтересованы сами оккупанты. Тем не менее, все это свидетельствует о том, что экономическая политика оккупантов определялась различными факторами и представляла собой более сложное явление, чем сложившиеся о ней традиционные представления в отечест-

венной историографии.

При осуществлении экономической политики на Кубани оккупационные власти столкнулись с серьезными трудностями объективного порядка. Эвакуация и боевые действия нанесли существенный материальный ущерб народному хозяйству края. Восстановление разрушенного хозяйства требовало значительных капиталовложений и обновления материально-технических средств. Но германское руководство рассматривало Кубань как источник различных (продовольственных, сырьевых, трудовых) ресурсов. Попытки нормализовать хозяйственную жизнь, наладить работу предприятий, финансовых учреждений, транспорта, стабилизировать цены не получали материальной поддержки и не могли иметь успеха.

С другой стороны, экономической стабилизации противоречили действия самих оккупантов. В результате истребления и вывоза в Германию советских граждан значительно сократилось количество занятых в народном хозяйстве. Действия многих военнослужащих и частей вермахта превращались в открытый грабеж.

Важную роль в срыве хозяйственных планов германского руководства сыграли действия партизан и подпольщиков, саботаж населением решений оккупационных властей.

В целом, экономическое развитие региона в период оккупации характеризовалось сокращением промышленного и сельскохозяйственного производства. Лишенная перспектив и сопровождавшаяся репрессиями, экономическая политика порождала массовое недовольство и дестабилизировала оккупационный режим. Поэтому автор пришел к выводу о несостоятельности экономической политики оккупантов на Кубани.

В **четвертом параграфе** автор рассмотрел пропаганду и террор как важнейшие методы управления захваченной территорией Кубани, на которые возлагались задачи обеспечить лояльность населения, ликвидировать сопротивление, способствовать реализации различных мероприятий. Пропаганде отводилось решающее значение в создании социальной опоры режиму. Террор использовался в качестве основного средства расширения "жизненного пространства", истребления "нежелательных" элементов.

Осуществлению пропаганды и террора на оккупированных территориях предшествовала серьезная и длительная подготовка. Она включала создание специальных пропагандистских и карательных органов, разработку программ организации репрессий и пропагандистских мероприятий.

В дальнейшем, к пропагандистской работе среди населения захваченных областей привлекались практически все кадры оккупационной администрации. В репрессиях активно участвовали войска вермахта и вспомогательная полиция.

На оккупированной территории Кубани использовались различные пропагандистские средства, но решающее значение имели печатные, особенно пресса, выполнявшая, наряду с приказами и объявлениями, роль главного источника официальной информации. Анализ оккупационной прессы показал, что в основе пропаганды лежала критика советского режима. Внимание акцентировалось на трагических, действительно происходивших событиях советской истории. Политике советской власти противопоставлялись действия германских руководителей. Население призывалось к сотрудничеству с оккупантами для успешного развития региона.

Изучение источников свидетельствует о том, что пропаганда оккупантов на Кубани имела дифференцированный характер, была активна, решительна, даже агрессивна, выдвигаемые лозунги - понятны и доступны населению. Стремясь обеспечить поддержку различных социальных слоев, оккупационные власти использовали различные средства и приемы: поощряли и развитие национальных и религиозных чувств, возрождали старые порядки и уничтожали советскую символику, обещали ликвидировать колхозы и создать условия для свободного развития региона. Таким образом, уровень организации пропаганды оккупантов на Кубани существенно повысился по сравнению с началом войны.

В то же время развитие нацистской пропаганды столкнулось с рядом трудностей. Сообщения о взятии Москвы и Сталинграда опровергали листовки партизан и подпольщиков. Серьезную проблему представляли противоречия в германском руководстве. Гитлер и другие руководители третьего рейха выступали против "смягчения" оккупационной политики.

Самой непреодолимой преградой для развития пропаганды оказался характер германской политики в захваченных областях. Различные средства и методы управления, призванные дополнять друг друга, пришли в противоречие.

Развитие террора также претерпело серьезные изменения, отразившиеся в историографии. Если первоначально террор оккупантов на Кубани был направлен на истребление отдельных категорий населения, то уже с октября 1942 г. "выборочный" характер террора сменился массовым.

"Организованный" террор сопровождался развитием "неорганизованных" репрессий. Следует отметить, что эскалация насилия на оккупированной территории не была случайным явлением. Репрессии порождались целями и характером войны, произвол был заложен в самой системе управления захваченной территорией.

В отечественной историографии рассматриваемой проблемы недостаточно внимания уделялось психологическим аспектам развития насилия и террора в оккупированных районах. Между тем, именно на стыке различных дисциплин видятся перспективы в осмыслении данного вопроса. "Обратной стороной" террора оказалось его воздействие на самих оккупантов. С другой стороны, оказавшись в "пограничной ситуации", значительная часть жителей испытывала угрозу жизни и безопасности как нечто личное. Страх и ненависть объединяли и мобилизовывали. Насилие порождало ответное сопротивление.

Вторая глава "Оккупанты и население Кубани: развитие взаимоотношений" состоит из четырех параграфов и посвящена анализу оккупационного режима сквозь призму изучения коммуникативных процессов. В первом параграфе "Социальная политика и жизнь в оккупации" отмечается, что германское руководство рассматривало сокращение численности советского населения в качестве важнейшей перспективной задачи войны, одним из средств решения которой считалось сведение к минимуму потребностей жителей захваченных областей.

Тенденция к снижению социальных расходов на Кубани, как и в других регионах СССР, проявилась уже в начале войны. Оккупация края способствовала еще большему сужению сферы потребления. В результате значительно ухудшилось продовольственное и материальное снабжение, из свободной продажи исчезли продукты и предметы первой необходимости, выросли натуральные поставки, сократились расходы на социальное обеспечение, медицинское обслуживание и образование.

Тем не менее, жизнь на оккупированной территории Кубани не замерла и не остановилась. Семья, школа, производство и другие традиционные институты сохранили социальную организацию от полного распада. Оставались сферы, неподконтрольные власти.

Анализ представленных источников свидетельствует о том, что социальная сфера в наименьшей степени оказалась подвержена предполагаемым изменениям, сохранив прежний, "остаточный" принцип отношения к себе. Провозглашенные задачи максимального ограничения сферы потребления не нашли подтверждения в полной мере на регио-

нальном материале.

Социальная политика оккупантов носила дифференцированный характер, при ее проведении власти руководствовались хозяйственными и политическими задачами. В результате развала системы централизованного снабжения в особо худшем положении оказались горожане. Сельские жители как непосредственные производители продуктов питания в целом имели более широкие возможности для удовлетворения продовольственных потребностей. Однако сельскохозяйственные поставки, запреты, реквизиции и прямой грабёж немецких солдат создавали немало проблем и для крестьян. В наиболее привилегированном положении находились на оккупированной территории представители местной администрации и полиции, не только получавшие стабильную зарплату, но и имевшие другие возможности для удовлетворения материальных потребностей.

Ввод в научный оборот новых документов позволил утверждать, что оккупационные власти предпринимали определенные меры по организации снабжения работавших жителей, а также раскулаченных и репрессированных граждан. Однако материальные возможности администрации в данной области оказались весьма ограничены.

Затрагивая вопросы быта и повседневной жизни каждого члена общества, социальная политика вырабатывала определенные стереотипы взаимного восприятия власти и населения. Общее ухудшение материального положения на фоне ограниченных возможностей местной администрации порождало скептические оценки дееспособности режима в целом. Все это способствовало развитию негативного отношения к оккупантам, усиливавшемуся под воздействием факторов морального порядка.

Анализу эволюции взаимных представлений оккупантов и населения друг о друге посвящен **второй параграф**. Диссертант особо подчеркнул, что стороны находились в неравных условиях для коммуникации. Именно это обстоятельство усиливало качества, позволявшие считать немцев не просто “чужими”, но “враждебными”. Ядро этнического портрета немца составляли жестокость, доходившая до садизма, злость и насилие в отношении к советским людям и другие качества, предопределявшие “враждебность” данного образа и антитолерантный характер процесса взаимодействия. Подобные качества превалировали и в этническом портрете советского человека, но были слабее выражены, так как оккупанты имели меньше возможностей испытывать страх.

Немалую роль в трансформации сложившихся до войны представлений в образ “врага” сыграли средства пропаганды, как советские, так и немецкие. Однако главной причиной развития чувства враждебности оказалась оккупационная политика, основанная на насилии и провоцировавшая ответную ненависть населения.

В то же время в конкретных ситуациях ненависть и страх не всегда превалировали над другими эмоциями. Если обстановка прямо не сопровождалась опасностью для участников процесса коммуникации, то могли возобладать любопытство, сострадание, жалость и другие “обычные” чувства. Самых немцев порой поражало отсутствие враждебности со стороны жителей, у многих из которых родные или близкие находились на фронте.¹ В свою очередь, жители некоторых населенных пунктов отмечали, что оккупанты “пришли и ушли без зла”.

И местные жители, и солдаты вермахта испытывали потребность в выражении “обычных” человеческих чувств, поэтому на оккупированной территории Кубани коммуникативные процессы нередко принимали и более толерантные формы. Таким образом, обобщенный образ “врага” при столкновении с реальным противником нередко терял свою цельность и категоричность, расплывался и дробился. Весьма показательным, что в памяти многих очевидцев, переживших оккупацию, отложились не только факты исключительной жестокости, но и случаи доброжелательного отношения со стороны оккупантов. Впрочем, когда в немцах не видели прямого “врага”, они все равно оставались “чужими”. Даже если оккупанты “особо не зверствовали”, жители ожидали возвращения Красной Армии, встречали советские войска как освободителей.²

В **третьем параграфе** “Оккупация Кубани и коллаборационизм” автор приходит к выводу о том, сотрудничество советских граждан с оккупантами на захваченных территориях развивалось в различных формах. Исходя из предложенной современными исследователями типологии,³ можно говорить об административном, хозяйственном и военном коллаборационизме на Кубани.

В целом, коллаборационизм представлял собой сложное явление, осмысление которого требует привлечения различных источников как официального, так и личного происхождения. Коллаборационизм невоз-

¹ Немцы о русских. М. 1995. С. 70.

² Записано автором со слов Л.В.Есипенко 7 июля 1994 г. в поселке Краснооктябрьском Майкопского района.

³ См.: Раманичев Н.М. Власов и другие // Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995.

можно свести к какой-либо одной причине, он объясняется совокупностью различных факторов.

Для развития коллаборационизма существовали широкие объективные условия. Многие граждане СССР испытывали недовольство советским режимом. Также, как и в других странах, переход жителей на сторону противника был вызван желанием сохранить жизнь, избежать преследований или добиться привилегий.

Проанализировав социальный состав лиц, сотрудничавших с оккупантами, автор пришел к выводу, что наиболее существенную роль в развитии коллаборационизма на Кубани сыграли тяжелые условия жизни населения захваченных районов. Таким образом, можно выделить сознательный и вынужденный характер сотрудничества населения с оккупантами.

Политика, осуществлявшаяся в захваченных областях, оттолкнула многих потенциальных сторонников оккупационного режима. Проекты строительства "нового порядка" на оккупированной территории на независимой национальной основе отвергались германским руководством. Поэтому все попытки создания социальной опоры режиму не имели перспективной позитивной программы. С другой стороны, подъем народного сопротивления и поражения вермахта на фронте заставляли коллаборационистов задуматься о целесообразности дальнейшего сотрудничества с оккупантами.

Последний, **четвертый параграф** посвящен анализу народного сопротивления и его роли в кризисе оккупационного режима. Развитие народного сопротивления оккупантам на Кубани происходило в различных формах: партизанского движения, подпольной борьбы и саботажа населением решений оккупационных властей. В реальности также, как и в других регионах, все формы сопротивления тесно переплетались и дополняли друг друга. Однако развитие сопротивления на Кубани имело свою специфику, во многом связанную с природно-климатическими условиями региона.

Большую часть территории края составляет степная зона, малопривлекательная для действий крупных партизанских отрядов и соединений. Поэтому основная масса партизанских отрядов концентрировалась в предгорье, на юге края. Осенняя распутица и зимняя стужа вызвали серьезные затруднения для боевых действий в горах, требуя не только особой подготовки, но и специального снаряжения. Многие партизаны - горожане и жители степных сельских районов - оказались к этому не готовы и терпе-

ли большие лишения.

Район боевых действий партизан Кубани располагался вблизи линии фронта, что создавало повышенную концентрацию войск противника, трудности перехода линии фронта, проблемы со связью и снабжением. Развитие событий в период отступления советских войск привело к отходу подготовленных партизанских отрядов и подпольных групп, их использованию в оборонительных боях вместе с частями действующей армии. В дальнейшем, большинство отрядов дислоцировалось в тылу советских войск, совершая периодические рейды в собственные районы.

Одним из основных тактических приемов кубанских партизан являлись засады. Однако применялись и диверсии, и нападения на вражеские гарнизоны. Настоящую минную войну на вражеских коммуникациях вели партизаны Краснодарского, Новороссийского, Анапского и некоторых других кустов.

Развитие созданных партийными органами отрядов и групп шло по пути максимальной централизации и дальнейшей организации их деятельности, все более приобретающей сходство с частями действующей армии. В условиях достигнутого уровня организации и вооружения, подготовки и тактики войск иной вариант развития сопротивления не имел перспектив. Проанализировав социальный состав партизан Кубани, диссертант пришел к выводу о том, что среди них преобладали горожане, в основном служащие. Значительную часть, почти две трети партизан составляли коммунисты и комсомольцы.

Отдельные действия партизан противоречили интересам местных жителей. Тактика "выжженной земли" не могла вызвать сочувствия у населения. Партизаны далеко не всегда считались с судьбой местных жителей, если могли нанести урон врагу.

Не желая нести тяготы лесной жизни, ряд отрядов разместились в населенных пунктах. Комплекс "человека с ружьем" порождал положение хозяина - распорядителя чужими судьбами. В результате партизаны могли отбирать продукты, применять насилие по отношению к местным жителям, что нашло свое отражение в документах крайкома партии.¹ Кроме того, настроение ряда станиц и аулов края действительно оказалось враждебно советской власти, чем объясняются отдельные случаи провалов и гибели партизан и подпольщиков. В советских документах такие случаи квалифицируются как "факты предательства".²

¹ ЦДНИ КК. Ф. 4372. Оп.1. Д.23. Л.79.

² Там же. Л.97.

Однако развитие оккупационного режима все более обостряло отношения оккупантов с населением. С первых же дней оккупации начался саботаж любых решений новых властей. Будучи не в силах устранить партизанскую угрозу, немецкое командование нередко прибегало к расстрелам жителей. Все это усиливало ненависть к оккупантам и придавало популярность партизанам как их открытым врагам. Движение сопротивления получало моральную и материальную поддержку населения, включало наиболее активных противников режима в свои ряды. К партизанам обращались, в свою очередь, за помощью в самых различных ситуациях. Стихийный народный протест против действий оккупантов становился одним из главных составляющих факторов сопротивления.

Анализ новых документов позволил автору предложить свою периодизацию народного сопротивления на Кубани, поставить проблему действий "зеленых" партизан.

В **заключении** формулируются общие выводы исследования. Оккупационный режим на Кубани все более трансформировался в режим "голой" власти, опиравшейся лишь на силу. Сама внутренняя логика развития оккупационного режима порождала противоречия. Народное сопротивление на захваченной территории Кубани оказалось той положительной обратной связью, которая приводила в неустойчивое положение весь оккупационный режим как систему, состоящую из множества элементов.

Таким образом, расширение источниковой базы позволило существенно дополнить сложившиеся представления об оккупационном режиме, отказаться от историографических стереотипов, сводящих его исключительно к политике экономической эксплуатации и физического истребления советского населения, обозначить новые перспективы исследования проблемы.

Приложения содержат дополнительные материалы, не включенные в основной текст диссертации, подтверждающие отдельные выводы автора.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Коллаборационизм в СССР в годы Великой Отечественной войны // Труды аспирантов и соискателей. Майкоп, 1996. Вып. IV. 0,2 п.л.
2. Кубанская казачья эмиграция: процесс социализации (1920-1940-е гг.) // Кубанское казачество: три века исторического пути. Материалы международной научно-практической конференции. Краснодар, 1996. 0,2 п.л.
3. Ментальность военного времени: настроения населения в 1941-1945 гг. // Менталитет и политическое развитие России. Тезисы докладов научной конференции. Москва, 29-31 октября 1996 г. 0,3 п.л.
4. Немцы о русском характере (1941-1945 гг.) // Национальное возрождение России: теория и практика. Ростов-на-Дону, 1996. 0,2 п.л.
5. Оккупационный режим в Адыгее // 50 лет Великой победы. Материалы научно-практической конференции, состоявшейся в апреле 1995 года. Майкоп, 1996. 0,5 п.л.
6. Оккупационный режим в годы Великой Отечественной войны: проблемы языкового пространства // Речевое воздействие в разных формах речи. Ростов-на-Дону, 1996. Вып. 4. 0,1 п.л.
7. Религиозные представления населения Кубани в годы Великой Отечественной войны // Национальное возрождение России: теория и практика. Ростов-на-Дону, 1996. 0,2 п.л.
8. Церковь и власть: проблема взаимоотношений в годы Великой Отечественной войны // Философские и религиозные проблемы истории и современности. Тезисы докладов на II межрегиональной конференции. Ставрополь, 1996. 0,1 п.л.
9. Адыгская эмиграция и вторая мировая война // Адыгский этнос: история и перспективы (в производстве). 0,7 п.л.

Подписано в печать 01.04.97. Формат 60 x 84 1/16. Усл. печ. л. 1,5. Печать офсетная.
Гарнитура Times New Roman Суг. Тираж 100 экз. Цена договорная.
Отпечатано в типографии МП "Качество".
г. Майкоп, ул. Крестьянская, 221/2. Тел./факс (87722) 2-36-87.